

Блондинка потянулась, передернула телом и захлопнула дверь.

Анна Митрофановна выглянула из своей комнаты в темный коридор. В одной руке у нее был зеленый ночной горшок, в другой — оба шлепанца. Босиком, на цыпочках, подкралась к Веркиной двери и согнулась до замочной скважины, но из-за ключа, вставленного с другой стороны, ничего не увидела.

— Тыфу ты, — едва дыша, прошептала Анна Митрофановна и плотно прижалась к отверстию.

В ухо неприятно дул сквознячок. Анна Митрофановна потрясла головой и снова приложилась к двери: из глубины комнаты доносились мужские голоса и смех блондинки.

— Вот ведь устроилась, курва! И никакой управы на нее нет... и с моста не кинется, и заразу не подцепит...

Анна Митрофановна оторвалась от двери и плюнула на половичок. Надев шлепанцы, она привычно зашаркала по коридору. В кухне нащупала свой выключатель, но помешкала... и включила лампочку Пивней.

— Им теперь все равно!

Она старательно полоскала горшок, несколько раз кивнула, а то вдруг пожала плечами, словно соглашалась и не соглашалась с одолевавшими мыслями.

Лос-Анджелес

Красивая женщина...

Жил-был художник

Красивая женщина, которая позировала художнику, выглядела так, как будто она только-только спустилась с облака: в ее глазах дрожало небо, в душе плескалось море, а в сердце варили самогон.

— Ты знаешь, что через меня прошли три стихии, — улыбнулась красивая женщина. — Нет, они меня не изменили, они поглотили меня. Они наполнили меня счастьем.

— Скажи, пожалуйста, ты что, уже вытащила занозы из души? — красивую женщину пожирал глазами полуголый дядька с волосатыми плечами и короткими пальцами. Он окунал пальцы в краску, смешанную с клеем и вареньем, и размазывал ее по холсту. У закрытого окна толпились мухи и комары. Дядька открыл окно, и толпа насекомых ринулась к холсту.

— Красиво... — сказал дядька, глядя, как прилипшие мухи пытаются наесться перед смертью.

— Мерзко! — сказала красивая женщина и ушла на кухню готовить кофе. Она знала, что ее мужу просто необходимо выпить кофе, когда завершена очередная картина. Растирая черный порошок с сахаром, она вдыхала любимый запах и думала:

— Когда заканчивается романтика любви: когда понимаешь, что твой муж не гений вовсе, или когда готовишь ему сто первую чашку кофе?

Шаркая тапочками, вошел дядька и принес собой сладкий запах вишневого варенья. В его толстые короткие пальцы въелась красная краска. Он похлопал жену чуть ниже талии, оставив розовые пятнышки. Красивая женщина дернула бедрами, отгоняя его, как надоедливую муху. Дядька уселся на стул, и живот распластался у него на коленях:

— И что, моя девочка уже приготовила мне кофе?

Красивая женщина бросила ложечку в раковину и выключила свистящий чайник.

— Каждый раз одно и то же, — подумала она, но вслух сказала: — Грустно лишь тогда, когда звуки разбиваются о голые стены...

— Наверное, — многозначительно икнул муж. — Наверное, эти стены видели и лучшие времена. Но я уверен, что им все равно, что в них швыряют, то ли звуки, то ли вообще ничего. Они дышат моими картинами. Это пристанище, прибежище, лежбище для картин. И звуки разбиваются не о стены вовсе, а о мои картины. Ты же любишь мои картины?

Красивая женщина преданно посмотрела на мужа:

— Нет... Я их... Нет, я их люблю...

— Мои картины — это музыка твоей души, я это чувствую.

Красивая женщина поставила чашку перед дядькой. Сверху плавала соблазнительная пена. Она макнула в нее палец и засунула его мужу в рот.

— Кто кому нужен? — спросила она, глядя, как муж облизывает ее пальчик. — Художники музыкантам? Музыканты поэтам? Поэты художникам... художники людям? Музыканты людям, поэты — музыкантам?.. Люди — музыкантам, поэтам, художникам?

— Ой, раскудахталась. Ты то уж точно нужна мне.

— Для чего, чтобы восхищаться твоими картинами? — красивая женщина погладила мужа по плечу и пошла в мастерскую. Она содрала холст с рамки и понесла его в ванную комнату. Засунув холст в стиральную машину, красивая женщина расплакалась.

Муж сидел на кухне, пил кофе и почесывал липкий живот.

— Ты где? — крикнул дядька. — Любуешься новой картиной? И правильно делаешь. Это шедевр. Это музыка моей души. Вот оно, получилось. Да, я — гений! И это все ты! Это ты меня вдохновляешь. Ты слышишь, милая? Только ты могла меня вдохновить на такое. Любишься, любишься. Это шедевр.

Красивая женщина сидела в ванной комнате на полу и плакала. Ей было жалко себя... и чуть-чуть несостоявшийся шедевр.

Желтый день

Утром ослепло солнце.

— Желтый день, желтый день, — кричали дворовые коты и били хвостами друг о друга.

С неба стекали мелкие липкие струйки и липли к асфальту и к котам. Те не успевали слизывать с себя желтую гадость и становились похожими на заводные игрушки.

— Желтый день. Желтый день... — вздохнула Серебряна, открыв шкаф. — Это мое лучшее платье? — спросила она у дверцы шкафа.

— Скрипидианка! — закрылась всегда и всем недовольная дверца.

— Мне эта прическа подходит? — спросила Серебряна у зеркальца. Зеркальце одобритительно посмотрело на нее самыми желтыми в мире глазами.

— Это твой день — день — день! — пропел телефон.

Серебряна схватила трубку и прижала к уху. Ее улыбка осветила желтую комнату:

— Я соскучилась... Да, я твоя желтоглазая богиня. Да, я твоя... Да, я люблю тебя... Да, да, да. Я всегда буду говорить тебе только да...

Нет. Он не приходил... Нет, я не вру. Коля, не наезжай на меня. Он давно, очень давно, не приходил... Ну, кто тебе сказал такую глупость?.. Коля, Коленька, погоди, я сейчас приеду и мы поговорим. Я же люблю те-

бя, люблю, слышишь. Нет, нет, не знаю я, почему он решил меня рисовать... Ну и что, что нельзя выходить на улицу? Нет, нет, ты не можешь знать, почему наступил желтый день... Нет, нет, нет. Нет же! Я тысячу раз скажу тебе нет...

Да, ты прав. Лучше говорить правду... Да... он заходил ко мне... вчера. Он просто хотел закончить мой портрет. Да, представь себе, я позировала без ничего, и без чувств к нему тоже. Да, ему это не понравилось... Да, мне все равно... Да, Коля, да... На все, что ты мне скажешь, я буду говорить только да.

Нет. Мне не все равно, что ты думаешь. Нет, я тобой не манипулирую. Дурацкими словами ты только натягиваешь наши отношения. Нет, нет, ты не такой, как он... Нет, он не закончил портрет... Нет, нет, не потому, что хочет еще ко мне прийти. Нет, нет, нет. Надоело все время говорить тебе "нет". Нет, ты не прав. Больше всего на свете я хочу тебя увидеть. Нет, я не люблю его больше. Нет, я не мучаю тебя...

Да... Я устала... Нет... Я не ошибаюсь. Да... Он плохой. Нет, ты хороший. Да. Он негодяй. Нет, ты художник не хуже, чем он. Да... Я такая, как все. Нет, ты особенный. Да... Нет... Да... Нет... Да... Нет... Да нет же!

Послушай, а зачем ты позвонил? Прекрасно. Все. Пока.

Серебряна бросила трубку на диван.

— Мне совсем не подходит эта прическа, — она с надеждой уставилась в зеркальце. И зеркальце с надеждой посмотрело на нее самыми желтыми в мире глазами.

— Скрипидианка! — открылась дверца шкафчика.

— Ну и ладно, — вздохнула Серебряна и повесила свое самое лучшее платье в шкаф. — Ну, что ж, желтый день тоже не мой.

Она открыла окно и подставила руку под тонкую струйку липкой желтой дряни.

— Это больно, — сказала девушка, не ощутив ожог. В ее ладони образовалась голубая лужа.

— Это дождь, просто дождь! Значит, желтый день — это не желтый день вовсе.

Маленькое голубое озеро на ее ладошке начало желтеть.

— Это больно!!! — крикнула девушка, стряхивая с ладошки желтую липкую дрянь.

Под окнами дворовые коты били хвостами друг о друга и кричали:

— Желтый день, желтый год, желтый век...

Ослепшее солнце катилось по небу наугад.